

С. ДЖИМБИНОВ

*

ЭПИТАФИЯ СПЕЦХРАНУ?..

Все знают, что в 1955—1956 годах из лагерей вернулись сотни тысяч репрессированных людей. Но далеко не все знают, что совсем недавно, в 1987—1989 годах, сотни тысяч книг были освобождены из специальных концентрационных лагерей, где они томились по пятьдесят и даже по шестьдесят лет. Так что сроки у книг были еще побольше, чем у людей. Правда, им и жить положено дольше. И «вышка» («высшая мера наказания» или «высшая мера социальной защиты») для них тоже была: через сожжение, сдачу в макулатуру — на переработку...

Лагерь для книг называются у нас отделами специального хранения, или сокращенно — спецхран. Хорошо помню, как я узнал об их существовании.

Я учился на втором или третьем курсе Литературного института. В иностранном каталоге Ленинской библиотеки мое внимание привлек курс лекций на английском языке — «Для молодого писателя»; я заказал книгу, но в ответ получил отказ: книга не числится по данному шифру, она переведена в отдел специального хранения. Я не огорчился, живо представил себе, что это одна из тех хрупких американских книг без переплета, которые рассыпаются по листам от неосторожного пользования и, естественно, требуют особого хранения. Не без труда нашел я отдел спецхрана в лабиринте библиотечных комнат. За столом сидели две девушки. Одна взглянула на мое требование и сказала, что для получения книги нужно специальное письменное ходатайство с места работы. А узнав, что я студент второго курса, добавила нечто совсем неожиданное для меня: это отдел закрытой книги, здесь могут работать только студенты-дипломники и строго по теме диплома, так что приходите, когда будете на пятом курсе.

Вот как обмануло меня когда-то наше пристрастие к непрямым, эфемистическим названиям. Вместо честного «отдел запрещенных книг» — «книги специального хранения». Вместо честного «пытки» — «методы активного ведения следствия».

Тогда я еще не знал «1984» Дж. Оруэлла с его изумительной последней главой о принципах «новоречи», или «новояза» (сам роман, разумеется, тоже был у нас в спецхране).

Что касается слова «спец», то в обществе, провозгласившем всеобщее равенство, его ожидала головокружительная карьера — от «спецпайков» и «спецшкол» до совсем уж зловещих «спецотделов» и «спецчастей».

Тут я позволю себе небольшое отступление. В нашем языке важную, драгоценнейшую его часть составляют слова с сакральным ореолом, связанные с богослужением. Их излучение незримо пронизывает язык. Свете тихий, свет невечерний ложится и на предметы домашнего обихода. Так «комната» становится «светлицей» и «горницей» (не забыли еще, что значит «горнее», «горе имеем сердца?»). Превращение светлицы и горницы в «жилплощадь» есть часть единого процесса перехода от идеализма к материализму. Характерно, что в словосочетании «жилплощадь» слова стиснуты, как в коммуналке. В словосочетании «спецхран» оба слова с ампутированными конечностями. О, эта вакханалия аббревиатур и усечений, начавшаяся даже не в 20-е, а несколько раньше, перед революцией («кадеты», «эсеры», «эсдеки»)! Это болезнь языка, за которой скрывается болезнь души: слово перестает восприниматься в его образной функции и становится инструментом и оружием. Живые слова уходят из языка, а на смену приходят слова-мутанты: «компромат», «беспредел». Слова вернутся, когда вернется настрой души, который их породил. Этот настрой создаст и новый уклад жизни. Но пора перейти от термина «спецхран» к обозначаемому им явлению.

Сделаю оговорку, что речь у нас пойдет только об идеологическом спецхране, мы не будем касаться так называемых спецвидов научно-технической литературы для служебного пользования, которая тоже хранится в спецхране.

Идеологический спецхран — книжный ГУЛАГ — имеет свои причудливые особенности, которые не просто понять и тем более — объяснить. Первая неожиданная черта: в нем практически нет русских дореволюционных книг. Тем более не попали в спецхран дореволюционные русские газеты и журналы. Богатейшая русская антисоциалистическая и антимарксистская литература, вышедшая до 1917 года, осталась вне колючей проволоки спецхрана. Помню, как изумлен я был, найдя в общем каталоге (спецхран вообще не входит в такие каталоги) книгу А. Богданова «Падение великого фетишизма», вся вторая половина которой — «Вера и наука» — является ответом на книгу В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм». Что же тогда у нас в спецхране, если это — в открытом фонде? — подумал я. А дело в том, что книга А. Богданова была защищена годом своего издания — 1910-м. На дореволюционные книги и журналы просто махнули рукой. Впрочем, речь у нас только о Библиотеке им. В. И. Ленина. Не уверен, что книгу Богданова можно найти в самой хорошей областной библиотеке.

Кроме того, чтобы быть совсем точным, некоторое небольшое количество дореволюционных книг в спецхран все-таки попало. Это так называемая расистская литература и порнография. Последний раздел нельзя вспоминать без улыбки: там числился, например, невиннейший — по современным представлениям — роман Октава Мирбо «Дневник горничной».

Итак, дореволюционных изданий в спецхране почти нет. Что же есть? Богатства спецхрана вплоть до самого последнего времени (1987—1988 годов) были прямо-таки фантастичны! Я знал людей, которые только там и могли читать. На языке цифр это выглядело так: более трехсот тысяч названий книг, более пятисот шестидесяти тысяч журналов, не менее одного миллиона газет. Почему их не выпустили на свободу в 1955—1956 годах? Почему задержали на тридцать с лишним лет? Боюсь, что одной фразой на этот вопрос не ответишь.

Сначала разберемся, что же это за книги и журналы? Условно я бы разбил их на четыре категории.

I. Книги, журналы и газеты, выходившие в 1917—1921 годах и не прошедшие советской цензуры: издания белых, «зеленых», «батьки нашего Махно», деникинцев, врангелевцев и колчаковцев. Книг здесь немного, около 300 названий, но периодики изрядное количество. В спецхране и сейчас стоит ящик с наклейкой: «Русские газеты 1917—1921 гг.». Для историка революции и гражданской войны материал бесценный. Гласность нашего времени коснулась этой части спецхрана меньше всего. В основном все осталось на своих местах.

II. Книги 1918—1936 годов, изданные на советской территории и прошедшие цензуру, в которых упомянуты имена или приводятся цитаты из сочинений не реабилитированных до 1986—1988 годов деятелей партии и государства, в первую очередь — Л. Троцкого, Г. Зиновьева, Л. Каменева, Н. Бухарина, А. Рыкова и, разумеется, сочинения самих этих авторов. Таких книг было от семи до восьми тысяч названий.

Среди них много политпросветовской и агитпроповской литературы 20-х годов: ведь достаточно было назвать имя председателя Реввоенсовета (Троцкого), председателя Совнаркома (Рыкова) или председателя исполкома Коммунистического Интернационала (Зиновьева), и книга автоматически попадала после чисток 30-х годов в спецхран. Книги с именем Троцкого без ругательных эпитетов выходили по 1929 год включительно (год его высылки из СССР), а с именем Бухарина — по 1936 год включительно. Почти все книги этой категории после 1987—1988 годов освобождены, то есть переведены в открытый фонд.

III. Книги, журналы и газеты на русском языке, изданные в Западной Европе, США, Южной Америке, Азии и Австралии, эмигрантская литература. Это, может быть, самый интересный для нас раздел спецхрана. К сожалению, никаких цифр привести здесь не могу. Известно только, что 99 процентов русскоязычных эмигрантских изданий шло в спецхран. Даже сборники стихов, где не было ни одной строки о политике. Этот раздел в Ленинской библиотеке весьма богат. Я знаю, что вскоре после войны из Праги привезли несколько вагонов книг из очень хорошей русской эмигрантской библиотеки. Хуже с послевоенными книгами, так как заказывать их боялись или не решались. («Мы не можем тратить валюту на материальную поддержку

эмигрантского отребья», — сказала мне в те годы одна из сотрудниц отдела.) Книги поступали в библиотеку бесплатно, как «Дар Главлита» — плод бесчисленных конфискаций на международном почтамте, в таможенные или во время обысков. Некоторые мои знакомые находили здесь посланные лично им с дарственной надписью книги Б. Зайцева, В. Набокова и т. д. Сколько раз, перевернув книгу, на предпоследнем форзаце я находил пометку карандашом «Дар Гл.». Полностью название нашего цензурного ведомства писать не решались: и так понятно, кому надо. Комплектовать целый раздел национальной библиотеки за счет конфискаций у своих граждан — не позор ли? Сейчас, по-видимому, стали кое-что заказывать, но все-таки далеко-далеко не все. В 1987—1989 годах «открыли» примерно 80 процентов этих книг.

IV. Книги, газеты и журналы на иностранных языках. Это, бесспорно, самый большой раздел спецхрана, в несколько раз превышающий остальные три вместе взятые. Начнем с периодики. Все «буржуазные», то есть немарксистские и некоммунистические газеты и общественно-политические журналы шли сюда независимо от содержания (разумеется, выписывается далеко не все, так как валюты вечно не хватает). Сюда шли «Таймс», «Фигаро», «Штерн» и «Ньюсуик». Это особенно постыдная часть нашего спецхрана. Заколоченное окно в Европу. Железный занавес.

Лет двадцать назад был шумный скандал с конфискацией властями ФРГ одного номера журнала «Шпигель». Как включилась наша пресса, вступившись за мужественного издателя Аушштейна! Но ведь у нас все номера «Шпигеля» (в том числе и этот) были запрещены к продаже и автоматически шли в спецхран. Книг здесь больше 260 тысяч названий. Достаточно было найти один неодобрительный абзац о нашей идеологии в толстенном томе в 700—800 страниц — и весь том преспокойно отправлялся в спецхран. Даже мимоза не обладает такой чувствительностью к неосторожному прикосновению. И сколько же было такого пустого чтения с единственной целью выловить крамольную фразу или абзац! На многих десятках языков, вплоть до самых экзотических: суахили, малаялам.

Теперь этот раздел освобожден почти полностью. По нынешней официальной формулировке запрещена только литература, призывающая к насильственному испровержению нашего политического строя, книги, сеющие рознь между народами, и порнографические.

Когда-нибудь напишут подробную историю советской цензуры и спецхрана. Сейчас для этого не пришло еще время, да и архивы все закрыты. Цензура возникла буквально на другой день после октябрьского переворота: уже 26 октября (ст. стиля) 1917 года была запрещена, например, кадетская газета «Речь», а летом 1918 года — все оппозиционные газеты, включая горьковскую «Новую жизнь».

Не без труда нашел я дату организации Главлита: декретом Совета Народных Комиссаров от 6 июня 1922 года при Наркомпросе создано Главное управление по делам литературы и издательств — Главлит. С первых дней его возглавил Павел Иванович Лебедев-Полянский, бывший в 1917—1919 гг. правительственным комиссаром литературно-издательского отдела Наркомпроса, где выполнял, очевидно, те же цензорские функции. Первые упоминания о спецхране относятся к 1923 году: в инструкции за подписью Н. Крупской, П. Лебедева-Полянского и М. Смушковой сказано: «Не более двух экземпляров всех изъятых в качестве вредных и контрреволюционных книг должны быть оставлены в центральной библиотеке. Такие книги должны храниться в особо запертых шкапах и выдаваться исключительно для научных и литературных работ»¹.

Но по-настоящему спецхран сложился в 30-е годы, после изгнания Троцкого и процессов над оппозиционерами. В спецхран попала, как было замечено выше, практически вся литература по истории партии, изданная в 20-е годы, включая учебники Е. Ярославского, Н. Попова и многие другие. Не пощадили и Ленина: все пять изданий его книги «О Троцком и троцкизме» оказались в спецхране. Что уж говорить о Горьком (три книги) или Луначарском (15 книг)! «Влившийся» в полном составе Н. Бухарин дал более 180 книг и брошюр, А. Рыков — около 60.

В 40-е годы спецхран продолжал расти. И даже оттепель конца 50-х — начала 60-х годов, выпустившая на волю книги М. Кольцова, Б. Пильняка, И. Бабеля, А. Веселого, П. Васильева и другие, тем не менее сколько-нибудь существенного урона спецхрану не нанесла.

¹ «Красный библиотекарь», М. 1924, № 1(4), стр. 137.

К концу 70-х годов спецхран окончательно сформировался. Теперь это был фонд, куда постоянно добавлялись книги уезжавших или высланных писателей. Давно уже наряду с простым спецхраном существовал как бы двойной спецхран, то есть книги, в верхнем правом углу которых был не один шестигранник с цифрой-номером закрывшего ее цензора, а два («две шайбы» — на жаргоне знатоков). К этим книгам доступ был особенно сложным, а к некоторым и вовсе не было.

На дне нашего книжного ада стояли, изолированные от читателей проводами высокого напряжения, две фигуры — Троцкий и Солженицын. Один весь в прошлом, другой — в будущем. Многотомное собрание сочинений Льва Давидовича Троцкого ГИЗ выпускала в 1926—1927 годах. До самого последнего времени, до 1988 года, я даже не знал, как выглядят обложки этих томов, так тотально они были уничтожены, а в спецхране их никто при мне не читал. Есть что-то совершенно иррациональное в неистовстве этого уничтожения. Тому, у кого нашли книгу Троцкого, давали десять лет лагерей. Еще в 70-х годах у нас выходили книги о троцкизме без единой цитаты из Троцкого: не предоставлять трибуну врагу! Понятно, что вопрос стоял жестко: Троцкий или Сталин. Бедная Россия, у которой был только такой выбор! Теперь мы читаем (в частности у Б. Можяева), что Сталин лишь осуществил план коллективизации, созданный Троцким. Вообще оказывается, он был чуть ли не главным троцкистом. Заклятые враги и антагонисты на глазах становятся двойниками. Вот бы наш Политиздат в один прекрасный день выложил на прилавки два трехтомника одновременно — Троцкого и Сталина. Произошло бы настоящее короткое замыкание, аннигиляция. Мы показали бы этим всему миру, что освободились от целой страшной полосы нашей истории.

...Солженицын появился в спецхране в середине 70-х годов. Но его книги тоже стояли под знаком двойного запрета, их тоже не выдавали по обычным ходатайствам.

Теперь, когда мы бросили общий взгляд на топографию книжного ГУЛАГа, можно перейти и к более детальным описаниям. В 1987—1989 годах были освобождены из спецхрана более семи тысяч книг советского периода (главным образом 1918—1936 годов). Все они прошли в свое время Главлит, но не угадали будущих колебаний идеологической линии. Помимо литературы политической, было здесь и довольно много ценных работ о литературе. При этом нужно сделать одно существенное уточнение. Спецхраны широкого, тем более универсального профиля есть лишь в двух-трех десятках библиотек на страну. Что же касается многих тысяч и даже десятков тысяч других библиотек, то в них такие издания просто активировались (еще один звфемизм нашей новоречи), то есть сжигались или сдавались в макулатуру.

Назову несколько книг этой категории, чтобы можно было конкретно представить, о чем идет речь.

Вот справочник под редакцией Б. Козьмина «Писатели современной эпохи. Био-библиографический словарь русских писателей XX века», том I (М. 1928). Справочник бесценный, потому что составлялся на основании подробных толковых анкет, заполняемых самими писателями. Например, из статьи о М. Цветаевой мы узнаем, какие книги она особенно любила в детстве и юности и какие потом, кто ее любимые русские и иностранные поэты и т. д. Между тем почти весь тираж книги был уничтожен из-за небольшой и вполне нейтральной статьи о Троцком на страницах 251—252. От двух тысяч сейчас едва ли осталось двести экземпляров. В ГДР сделали репринт, не худо было бы переиздать и нам. Том второй не выходил, но, может быть, где-нибудь в архиве хранится его рукопись.

Вот широко известная в узких кругах антология «Русская поэзия XX века» под редакцией И. Ежова и Е. Шамурина. Это и по сей день самая полная, самая богатая антология русской поэзии конца XIX — первой четверти XX века. Другие антологии не идут с ней ни в какое сравнение. Запретную книгу А. Каплер подарил С. Аллилуевой, и вот как она вспоминает об этом много лет спустя: «Огромная «Антология русской поэзии от символизма до наших дней», которую Люся подарил мне, вся была испещрена его галочками и крестиками около его любимых стихов. И я с тех пор знаю наизусть Ахматову, Гумилева, Ходасевича... О, что это была за антология — она долго хранилась у меня дома, и в какие только минуты я не заглядывала в нее...»².

Представьте себе огромный том в 670 страниц в два столбца мельчайшего шриф-

² Светлана Аллилуева. Двадцать писем к другу. Нью-Йорк. 1981, стр. 166.

та — несколько тысяч стихотворений, причем каждый поэт представлен пятнадцатью — тридцатью произведениями. И это роскошное издание беспощадно уничтожалось только потому, что в предисловии главного цензора страны П. Лебедева-Полянского верноподданнически процитирован стоявший тогда на вершине власти Л. Троцкий. Да в разделе поэзии А. Безыменского находим размашистое посвящение стихотворения «О шапке»: «Троцкому. Молодежи». Да еще у Г. Санникова «В ту ночь...» посвящено тому же Л. Троцкому. Да еще Г. Лелевич разразился руладами в честь Н. Бухарина. Антология переиздана репринтно в ФРГ, какой-нибудь предприимчивый кооператив переиздаст ее и у нас, но заломит цену похлестче, чем за Валишевского. Грустно обо всем этом писать.

Следующая книга — это тоже достаточно широко известная работа М. Бахтина «Формальный метод в литературоведении» (Л. «Прибой». 1928). Правда, на титульном листе стоит другая фамилия — Медведев, но все давно знают, что основной текст книги написан Бахтиным. Полагаю, это лучшее у нас исследование на данную тему, но в самом конце книги, на странице 225, цитируется Б. Эйхенбаум, а в цитате упомянут Троцкий. Этого достаточно. Яд кураре убивает даже в самых малых дозах. Книга беспощадно изымалась из всех библиотек, после чего уничтожалась. Сохранилась только в двух-трех десятках спецхранов. Последний пример из этого бесконечного списка. В издательстве «Книга» переиздан сборник «Как мы пишем» (Л. 1930). В нем восемнадцать известных писателей подробно рассказывают о технике своей литературной работы. Полвека книга пролежала в спецхране. Почему? Вспоминаю, что повесть Ю. Либединского «Неделя» не раз выходила с предисловием Н. Бухарина. Так и есть: на странице 79 Либединский рассказывает, как «Азбука коммунизма» Бухарина послужила одним из толчков для написания его «Недели». Кстати, на странице 88 и Троцкий лестно помянут. Значит, в 1930 году такое еще было возможно.

А как отразились цензурные строгости на изданиях русских классиков! Это отдельная и тоже грустная тема. Скажу и об этом несколько слов.

Есть у Гоголя замечательное сочинение — «Размышления о Божественной литургии». Оно входило во все дореволюционные собрания сочинений Гоголя, даже однотомные. Никто никогда, естественно, не сомневался в авторстве Гоголя. Вот, например, что писал об этой работе лечивший писателя доктор Тарасенков: «Перед последней болезнью Гоголь окончательно отделал и тщательно переписал свое заветное сочинение, которое было обрабатываемо им в продолжение почти 20 лет...»³.

Не ищите эту работу в советских изданиях Гоголя. Правда, все издания у нас «избранные», кроме единственного академического полного собрания (1937—1952). В этом монументальном четырнадцатитомнике заветная работа, конечно, есть? Ничуть не бывало. Правда, в восьмом томе, вышедшем в юбилейном, 1952 году, на странице 743 можно обнаружить следующее примечательное объяснение:

«В издание не введено, как не имеющее прямого отношения к литературной деятельности Гоголя и представляющее узко биографическое значение, его богословское сочинение „Размышления о божественной литургии“».

Когда врут, даже язык начинает заплетаться — «представляющее узко биографическое значение»... И это о заветной работе писателя! В полном академическом издании! Вот где настоящий «беспредел». Казалось бы, откуда этот панический страх перед гоголевским словом, прямо как у нечистой силы перед крестом?

Так ни разу в советское время «Размышления...» и не издали.

А Тютчев? Ведь ни в одном советском издании нет его политических статей — «Россия и революция», «Россия и Германия», «Папство и римский вопрос», «О цензуре в России», — которые есть в любом, даже плохоньком, дореволюционном собрании его сочинений.

Рассказам о мытарствах книг русских классиков несть конца. Но все-таки расскажу еще историю единственной в советское время попытки отдельного (не в собрании сочинений) издания романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Уж очень она показательна.

24 января 1935 года в «Правде» появилась небольшая заметка А. М. Горького под названием «Об издании романа „Бесы“». Начиналась она так: «В 20 № «Правды»

³ Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений в 3-х томах под ред. А. Кирпичникова. М. 1902, т. 3, стр. 492.

напечатаны «Заметки» читателя т. Д. Заславского. Автор заметок протестует против издания «Академией» романа Достоевского «Бесы». Мое отношение к Достоевскому сложилось давно, измениться — не может, но в данном случае я решительно высказываюсь за издание «Академией» романа «Бесы», а также однозвучных с ним романов: Писемского «Взбаламученное море», Лескова «Некуда», Крестовского «Марево», т. е. контрреволюционных романов. Делаю это потому, что я против превращения легальной литературы в нелегальную, которая продается «из-под полы», соблазняет молодежь своей «запретностью» и заставляет ее ожидать «неизъяснимых наслаждений» от этой литературы». И далее: «В оценке «Бесов» Заславский хватил через край, говоря: „Хорошо известно, что «Бесы» — как раз наиболее художественно слабое произведение“. Это — неверно. Роман «Бесы» написан гораздо более четко и менее неряшливо, чем многие другие книги Достоевского и, вместе с «Карамазовыми», самый удачный роман его».

Заканчивается заметка так: «Громко выраженный испуг Заславского кажется мне неуместным: Советская власть ничего не боится, и всего менее может испугать ее издание старинного романа. Но, не устранив Советскую власть и общественность, т. Заславский доставил своей статейкой истинное удовольствие врагам и особенно — белой эмиграции. «Достоевского запрещают!» — взвизгивает она, благодарная т. Заславскому за милостыню, неосторожно брошенную ей».

Чем же закончилась эта история? Казалось бы, о чем речь — разумеется, победил Горький: ведь «Правда» напечатала его заметку, а авторитет Горького и Заславского несопоставим. А между тем как библиофил я знал всю книжную продукцию лучшего советского издательства «Academia» и был уверен, что «Бесы» там никогда не выходили. И вот тут-то начинается самое интересное. В 1980 году в издательстве «Книга» вышел весьма добросовестно составленный каталог книг издательства «Academia». К своему изумлению, под № 209 я нашел там такую запись: «Достоевский Ф. М., Бесы. Роман, т. 1. Ред., вступит. статья и коммент. Л. П. Гроссмана. Предисл. П. П. Парадизова... М.—Л., 1935. 5300 экз.». А внизу краткая заметка от составителя каталога: «Тираж не осуществлен. Известны отдельные экземпляры».

Эту заметку можно расшифровать так: издание вышло, но его арестовали и уничтожили, пустили под нож. Сохранилось, должно быть, десять или двадцать экземпляров, а может быть, и вовсе пяток. Победил все-таки Заславский: в последний момент «дунул» куда надо, и не посчитались ни с «Правдой», ни с Горьким. На дворе стоял 1935 год. Что касается двойного предисловия к уничтоженной книге, тут тоже все знакомо и понятно: товарищ Парадизов конвоировал «беспартийного спеца» Л. Гроссмана и давал четкую классовую оценку романа. И все-таки не спасло, все-таки чувствовали, что не справиться Парадизову с Достоевским.

А как все это переживал Горький? Тут я вспомнил, что у меня есть двухтомный каталог личной библиотеки А. М. Горького (М. «Наука». 1981). Был ли у него экземпляр? По указателю имен нашел все ссылки на Достоевского, но среди многочисленных изданий (№ 928—938, в том числе два полных собрания) этого издания нет. Из добросовестности просматриваю и все остальные упоминания о Достоевском, и вдруг — под номером 4810 — это издание! Оказывается, издания «Academia» стояли у Горького в двух отдельных шкафах и поэтому в каталоге даны отдельно. Вот теперь цепь замкнулась. Конечно, Горькому послали персональный экземпляр. Помните «неосуществленный» тираж 5300 экземпляров? 300 экземпляров были бесплатные и «подносные» — для начальства. Послали, наверно, с курьером, и Горький по-детски радовался своей победе. А на самом деле его просто обманули...

За последние два года трижды напечатаны воспоминания В. Ходасевича о Горьком — сначала с купюрами, а потом и полностью. Последний раз — отдельной книжкой в библиотечке «Огонек». Так что письмо Горького Ходасевичу от 8 ноября 1923 года хорошо известно, но хочу напомнить его в связи со своей темой. Вот это ныне знаменитое письмо, не входившее, разумеется, ни в какие издания писем Горького у нас:

«Из новостей, ошеломляющих разум, могу сообщить, что в «Накануне» напечатано: «Джиоконда», картина Микель-Анджело, а в России Надеждою Крупской и каким-то М. Сперанским запрещены для чтения: Платон, Кант, Шопенгауэр, Вл. Соловьев, Тэн, Рескин, Нитче, Л. Толстой, Летков, Ясинский (!) и еще многие подобные еретики. И сказано: „Отдел религии должен содержать только антирелигиозные книги“. Все сие будто бы отнюдь не анекдот, а напечатано в книге, именуемой: „Указатель об изъятии

антихудожественной и контрреволюционной литературы из библиотек, обслуживающих массового читателя»⁴.

Это письмо нуждается хотя бы в кратких комментариях. Загадочный «М. Сперанский», конечно, не Михаил Несторович Сперанский, специалист по древней русской литературе. Скорее всего память изменила Горькому, и он спутал Сперанского с П. Лебедевым-Полянским. Дело в том, что все списки об изъятии литературы (один из них весьма подробный, из 225 названий, был опубликован в журнале «Красный библиотекарь», № 1(4), 1924) неизменно подписывались сначала Н. Крупской — председателем Главполитпросвета, а затем П. Лебедевым-Полянским, заведующим Главлитом. Что касается упомянутого Горьким списка, то он вызвал такую бурю протестов — особенно за границей, в эмиграции, — что после 1924 года списки вообще перестали появляться в периодике. (Даже перечень 1924 года куда более продуманный.)

Теперь об отдельных именах.

Платон. Как раз в это время (с 1922 года) в издательстве «Academia» выходило Полное собрание творений Платона. Его запретили только в 1929 году. Тем не менее из пятнадцати намеченных томов вышло лишь шесть. Заметим, что при этом старые издания Платона из массовых библиотек были изъяты.

Канта после революции начали издавать с 1934 года («Прологомены»); «Философию искусства» Тэна выпустили один раз в 1933 году; Шопенгауэра и Рёскина после революции не издавали вообще ни разу; первые книги Вл. Соловьева (кроме стихов и писем) и Ф. Ницше появились в 1988 году. Религиозно-этические работы Л. Толстого («В чем моя вера?», «Царство Божие внутри вас») издавались один раз, в 90-томном собрании тиражом в 5 тысяч экземпляров. Роман Н. Лескова «На ножах» не выходил до 1989 года, а «Некуда» — до 1956 года. Так что все в письме Горького подтверждается фактами.

Но самая важная для нас фраза следующая: «Отдел религии должен содержать только антирелигиозные книги».

Понимают ли читатели, какое содержание скрывается за этой фразой? «Святая Русь» имела богатейшую религиозную литературу, насчитывающую несколько десятков тысяч названий. Кто сейчас помнит все разделы богословия — библейскую археологию, экзегетику (истолкование текстов), исагогику (введение в книги Ветхого и Нового заветов), историю церкви, историю догматов, философию религии, апологетику, литургику, гомилетику (науку о проповеди) и т. д.? А сколько выдающихся богословов было в России! Вспомним хотя бы ровесника Вл. Соловьева Василия Васильевича Болотова (1853—1900), автора непревзойденных «Лекций по истории древней церкви» (СПб, 1907—1918, 4 тома). За свою недлинную жизнь (как и Соловьев, он прожил 47 лет) Болотов изучил два десятка языков, включая эфиопский (древний и новый), арабский, древнеегипетский, коптский, армянский и т. д., а на греческом языке переписывался с другим русским богословом Иваном Егоровичем Троицким. А рядом с ним были А. Бронзов, А. Бриллиантов, Н. Глубоковский, Е. Голубинский, М. Муретов, М. Тареев, В. Несмелов и т. д. — о каждом можно написать книгу! Что же осталось от них?

В алфавитном каталоге научных залов Ленинской библиотеки нет богословских книг. Просто нет — и все. Кто-то позаботился об этом очень давно, может быть, еще в 30-е годы. Они не в спецхране, они выдаются, но как узнать авторов и названия? Систематический генеральный каталог меня не устраивал, так как книги того или иного автора там разрознены по тематическим рубрикам. Значит, надо обратиться к генеральному алфавитному. Туда не пускают. Только летом 1987 года, после долгих хлопот, я получил для этого особое разрешение. Конечно, у меня был список в несколько сот имен. Но то, что я нашел, превзошло все ожидания. Оказалось, что нет такой обычной русской фамилии, на которую бы не было однофамильца-богослова с десятком, а то даже двумя десятками ученых трудов.

Вот тебе и «Иванов, Петров, Сидоров»! А с некоторыми фамилиями — например, Смирнов — творилось и вовсе невероятное: был богослов А. Смирнов, богослов Б. Смирнов, В. Смирнов, Г. Смирнов, Д. Смирнов... И на каждого столько карточек! Только кто же их теперь знает? Почему они столь надежно упрятаны от людских глаз? Почему и я узнал об этом так поздно?

⁴ Владислав Ходасевич. Воспоминания о Горьком. М. «Правда». 1989. (Б-ка «Огонек», № 44, стр. 22)

Из письма Горького Ходасевичу следует, что в массовых библиотеках религиозная литература была изъята и уничтожена еще в начале 20-х годов... От школьных библиотек перешли к районным, городским и областным. В тридцатые годы все было кончено — остались эти книги только в десятке самых крупных библиотек, но и в них из читательского каталога были изъяты карточки на такого рода книги: ищи свищи. Вот где еще один огромный спецхран, подумал я.

Кстати, знаете ли вы, какой был разовый тираж научной книги в России в прошлом веке? 1200 экземпляров. Серьезные богословские работы издавались нередко гораздо меньшими тиражами: 600, 350 экземпляров. Теперь представьте, что от этого осталось после чисток 20—30-х годов. А от скольких книг в домашних библиотеках избавились сами сознательные и передовые наследники своих отсталых родителей... Словом, тут тоже имел место своего рода геноцид.

В сборнике «Из-под глыб» (Париж. 1974) врезалось в память такое место: «Я не могу забыть мужика на паперти одного из московских храмов: „Православные! Я из Курска — у нас все сожжено, хоть какую-нибудь книжку о Боге, ради Христа!..“

«Из Курска...» А в Брянске разве лучше? А в Иркутске?

Осквернили пречистое слово,
Растоптали священный глагол...

(А. Ахматова)

Параллельно шел другой страшный процесс. О нем рассказал недавно Г. Абрамович («Новый мир», 1987, № 8 — «Библиотека — для чтения!»). Оказывается, в начале 1931 года поступило указание начать изъятие из школьных библиотек всех книг, изданных до революции (по старой орфографии), независимо от их тематики и содержания. Можно представить, сколько тогда погибло бесценных изданий...

Теперь понимаешь, что при тогдашних тиражах (от одной до трех тысяч) каждое дореволюционное издание грозит стать редкостью и может быть занесено в красную книгу культуры.

А сколько было богословских журналов! «Православное обозрение» и «Православный собеседник», «Странник» и «Вера и разум», «Христианское чтение» и «Богословский вестник». Сколько полных комплектов сохранилось в наших библиотеках? Семь, восемь, десять?..

Нужно срочно создать несколько издательств с единственной целью — фотомеханическое воспроизведение (репринты) исчезающих русских книг и журналов. Большой вклад в это дело могла бы внести церковь. Начать хотя бы с перепечатки трудов отцов церкви: Августина, Иоанна Златоуста, Василия Великого и т. д.

Но, разумеется, изымалась не только духовная литература. После войны начался процесс чистки массовых библиотек от сочинений идейно невыдержанных писателей Запада, в том числе и наших бывших друзей Л. Фейхтвангера, Д. Дос Пассоса, Э. Синклера, А. Мальро. Вскоре к ним присоединили группу писателей «упадочников»: Э. Хемингуэя, Э. М. Ремарка и т. д. В конце концов американскую литературу стали представлять только Г. Фаст и А. Мальц. Но в 1956 году рухнул и Г. Фаст. Главлитовские функции выполняли и букинистические магазины. Кроме неприняемых в них изданий (а у каждого товаровед был трехтомный список таких книг), были еще книги, которые можно было принять, но перед тем, как передать их на прилавок, товаровед должен был выполнять функции компрачикоса: вырезать вступительную статью, стереть фамилию редактора и т. д.

Например, до 1956 года из томов собрания сочинений Д. Дидро (изд. Academia) вырезались вступительные статьи И. Лупшолы и стиралась его фамилия в выходных данных. В двухтомнике Аристофана того же издательства нужно было вырезать предисловия (к каждой комедии!) А. Пиотровского и стереть его фамилию. И. Лупшол и А. Пиотровский были репрессированы, и о них следовало забыть.

В сочинениях Н. Макиавелли (Academia. М.—Л. 1934) и в книге А. Белого «Мастерство Гоголя» (ОГИЗ. М.—Л. 1934) нужно было вырезать — вплоть до 1988 года! — вступительные статьи Л. Каменева (впрочем, в последние годы стали стирать только фамилии, не трогая самих статей). Примеры такого рода можно приводить десятками.

Были ли случаи полной замены текстов, как это происходило в романе Д. Оруэлла «1984», где главный герой, работающий в министерстве правды, вставлял в старые газеты новые тексты, соответствующие колебаниям «генеральной линии»? И такое было, хотя и редко. Старые книголюбцы помнят, как в 1953 году в очередном томе Боль-

шой Советской Энциклопедии (2-е издание) они нашли вкладыш — четыре хорошо отпечатанные страницы и извещение такого примерно содержания: «Просим подписчиков в т. 5-м нашей энциклопедии осторожно изъять стр. 21—24 и портрет-вклейку между ними. Взамен их просим вклеить прилагаемые страницы». Речь шла о большой статье, посвященной Л. Берии. Больше всех «повезло» философу Джорджу Беркли: статью о нем пришлось увеличить в два раза. Во всех библиотечных экземплярах эти новые страницы, конечно, вклеены. Такой своеобразный уголок Оруэлла в нашей БСЭ.

Заметив мою некоторую осведомленность в делах Главлита, читатель может подумать, что автор статьи и сам имеет отношение к этой организации. В действительности не знаю даже, где она находится и есть ли табличка на здании. Интерес к спецхрану возник давно по принципу тяги к запретному плоду. Как в песне про охоту на волков, хотелось за флажки. А там ведь и вправду оказались большие духовные ценности.

Вспоминаю признание одного нашего философа, написавшего официально-ругательную книгу о русской философии XX века: «Я два года читал в спецхране этот мистический бред и говорил на работе, что мне надо давать молоко за вредность, как в горячих цехах».

Тут я не выдержал и решил «врезать» зарпортованному философу: «А по моему, молоко надо давать тем, кто читает Митина и Константинова, да и вашу книгу, а вовсе не читателям Бердяева и Карсавина».

Теперь почти вся русская философия переведена в открытый фонд. Из двадцати с лишним эмигрантских книг и брошюр Бердяева в спецхране осталась только одна — «Истоки и смысл русского коммунизма», да и ту журнал «Юность», как нарочно, перепечатал тиражом в 3 миллиона 100 тысяч экземпляров в ноябрьском номере за 1989 год, впрочем, с большими купюрами.

Не забудем, что Россия — классическая страна запрещенной книги. Здесь не место анализировать причины этого явления. Скажу только, что положению Герцена в XIX веке соответствует положение Солженицына в веке XX. Правда, за весь XIX век было запрещено всего 248 названий книг на русском языке (см.: Л. Добровольский, Запрещенная книга в России. 1825—1904. М. 1962).

Хочу быть понятым правильно. Цензура есть во всех цивилизованных странах. В одних она строже (Великобритания, где нельзя критиковать не только королеву, но и институт парламента), в других — либеральнее (США). Но везде есть свои табу и есть инстанции, которые следят за их соблюдением.

«Что нужно Лондону, то рано для Москвы», — не без лукавства писал молодой Пушкин в «Послании цензору» (1822). По крайней мере пять классиков русской литературы были цензорами, служили в цензуре. И каких классиков: С. Аксаков, Ф. Тютчев, А. Майков, И. Гончаров, Я. Полонский, причем два замечательных лирических поэта — Тютчев и Майков — даже возглавляли Комитет иностранной цензуры.

Однако то, что сложилось у нас после революции, было не цензурой вовсе, а последовательным «огосударствлением» литературного процесса. Уже с начала 30-х годов литература перешла на «госзаказ». Функции цензуры принял на себя многотысячный редакционный аппарат. В Главлит, как правило, все поступало почти стерильно выпаренным, отжатым и выглаженным. Зато уж редакторы читали рукописи не только слева направо, но и справа налево.

И вот в прошлом году почти одновременно рухнули два несущих столпа спецхрана: в журнале «Вопросы истории» стали печатать книгу Л. Троцкого «Сталинская школа фальсификаций» (№ 7—10, 12), а в «Новом мире» — главы из «Архипелага ГУЛАГ» А. Солженицына. Спецхран сразу осел и вообще как бы оказался под вопросом. Конечно, тут еще хранятся труды немногих не реабилитированных деятелей нашей бурной истории — Г. Ягоды, Л. Берии, М. Багирова, В. Деканозова и т. д., но какую опасность они представляют для читателя? Их тоже можно было бы «отпустить» в открытый фонд.

В августе 1988 года в «Известиях» появилось характерное письмо читательницы И. Завгородней из Крымской области: «На днях нас, сотрудников городских массовых библиотек, созвали на внеочередной семинар и, ссылаясь на распоряжение вышестоящих инстанций, потребовали изъять из фондов работы Брежнева, Грипина, Сулова, Черненко и ряда других авторов, а также всю изданную до марта 1985 года политическую и экономическую литературу как устаревшую по содержанию»...

Читательница вполне справедливо спрашивала, не образуются ли таким образом новые белые пятна в нашей недавней истории.

Через два дня (18 августа) в «Известиях» появился ответ читательнице с успокаивающим названием: «Пополнения «спецхранов» не ожидается». Читаем: Как нам сообщили в Управлении по делам библиотек Министерства культуры СССР, речь не идет об изъятии трудов бывших лидеров». И далее поясняется, что решено лишь убрать их на дальние полки, но все-таки выдавать по первому требованию читателей. Это нечто новое и отрадное. Ведь сочинения их предшественников — Г. Маленкова, Н. Булганина и т. д. — отправлялись в спецхран незамедлительно — сразу после освобождения их авторов от своих высоких должностей. Да и Сталин побывал в спецхране. Наконец-то начинаем понимать значение любой книги как свидетеля истории.

И все-таки наш «верный Руслан» неисправим. На днях я посетил спецхран, посмотрел картотеку новых поступлений — с 1988 года. Увы, впечатление удручающее. Перебираю карточки: И. Бунин, «Окаянные дни» (Лондон, 1984; опубликованы у нас сразу в четырех журналах); И. Одоевцева, «На берегах Невы» (Париж, 1983; опубликовано у нас в «Звезде» и отдельно «Художественной литературой»); В. Солоухин, «Читая Ленина» (Франкфурт-на-Майне, 1989; опубликовано у нас в журнале «Родина», 1989, № 10); О. Волков, «Погружение во тьму» (Париж, 1987; опубликовано у нас с купюрами в «Советском писателе» и почти полностью — в издательстве «Молодая гвардия»).

Казалось бы, после публикации всех трех томов «Архипелага ГУЛАГ» («Советский писатель», 1989) должна начаться новая эпоха в истории спецхрана. Но, увы!

Почему-то по-прежнему в спецхране книги о йоге, даже допотопная работа Рамачараки «Пути достижения индийских йогов» (Петроград, 1915). Неужели потому, что кто-то может переусердствовать в занятиях по пословице: заставь дурака молиться, он и лоб расшибет?

Стараются помещать в спецхран все иностранные книги о нашей политической истории после апреля 1985 года. Но ведь в них не столько критики, сколько сочувствия тому, что происходит у нас!

Вижу недоумевающие глаза «верного Руслана» и его сторонников: а что же тогда запрещать? Да ведь об этом говорилось уже столько раз: призывы к насильственному ниспровержению государственного строя, к национальной розни, порнография, наконец. Неужели Бунин, Одоевцева, Солоухин и Олег Волков подходят под эти определения?

Наше путешествие по книжному ГУЛАГу подошло к концу. Да, спецхран еще существует. И все-таки отходит, отходит мерзлота, которая еще вчера казалась вечной.

И вдруг пахнуло выпиской
Из тысячи больниц.

(Б. Пастернак)

Одно только меня смущает: обычно, когда переводят книгу из закрытого фонда в открытый, меняют ее шифр и место на полке. А тут шифры оставляют прежние и место прежнее, хотя книги уже выдаются в обычные залы. Стало быть, завтра по одному слову все это можно переиграть и вернуться к старому.

Будем надеяться, здесь нет подвоха: просто перешифровать и перенести в другое помещение почти триста тысяч томов — слишком трудоемкая и сложная операция.

PS. Пока статья была в наборе, вышла репринтно (с парижского издания), казалось бы, спецхрановская книга Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» (М. «Наука», 1990). Упомянутые выше западные издания книг И. Бунина, И. Одоевцевой, О. Волкова числятся теперь уже и в списке открытых изданий (где-то они на самом деле?). И даже сочинения Л. Берии выдаются всем желающим...